

**Приложение
к книге Анны Алескеровой
"Благослови нас, Господи":
интервью с Автором**

29 апреля – 2 мая 2014 г., Минск

Тереза Стизорик: Аннушка, мы работаем вместе уже над второй твоей книгой. Первая, "Нерастин", нас познакомила...

Анна Алескерова: Хотя мы впервые встретились для вычитки макета книги, я помню нашу с тобой встречу лучше нашей работы: как рабочий процесс – вычитка книги забылась, а как наше общение – осталась в памяти. Я до сих пор храню в телефоне твои первые смс-ки – тёплое дополнение к этим воспоминаниям.

Тереза: Если макет первой книги мы вычитывали, когда я была у тебя в гостях, то для работы с макетом второй – ты приехала в гости ко мне. У гостей принято спрашивать, нравится ли им город... Есть любимые места в Минске?

Анна: Есть. Это православные духовные центры и малоизвестные самим горожанам спальные кварталы, где живут дорогие мне люди. Особенно приятно узнать о любимых Храмах и любимых парках своих друзей. И для меня было важно, что ты провела меня по "своим" местам, как бы позволила взглянуть на них твоими глазами... В этот приезд я полюбила Храм На Покровах и прекрасный парк, возле него раскинувшийся. Что-то необычное есть и в Парке Победы... жаль, что в нём не нашлось места часовенке... Невозможно не стремиться в Свято-Елизаветинский Монастырь, хорошеющий и набирающий социальную значимость год от года. Больше всего люблю Минск весенним – на весенние церковные Праздники мои любимые уголки расцветают не только в прямом, но и в переносном смысле: они просто *бушуют красотой*. Хотя в столице бываю не так уж редко, всё равно в ней не ориентируюсь, по-

этому для меня всегда всё ново. Лучше всего мне знаком район Немиги, ведь там находится Кафедральный Собор...

Тереза: Аннушка, в твою книгу "Благослови нас, Господи" – вошли стихи, прямо или косвенно относящиеся к твоей духовной жизни. Можешь ли ты, автор не только возвышенной христианской поэзии, но и нежной любовной лирики, и забавных детских стихов, сказать, что молитвенные стихи – первичны для тебя, а все остальные – вторичны? Или есть общее для всех стихов ощущение следования призванию?

Анна: Стихи о духовной жизни первичны только потому, что она сама – первична. Какая это интересная сфера, духовная жизнь, этого не пересказать! Никаких стихов не хватит. И естественно, о самом интересном – интересней всего писать. Всё в моей жизни перекликается с христианскими притчами, с библейскими историями, с мыслями о Боге. *Это моя жизнь.* Поэтому о Боге я пишу – как живу. В чём не делаю различия между стихотворением-молитвой, лирическим и детским стихотворением – это в плане отношения к работе над текстом: в плане требований к собранности и чистоте помыслов. Я чувствую, что какие-то стихи – ближе к мирским, а какие-то – в большей мере духовны, но все они написаны с любовью к добру, любовью к Богу и ближнему. В каком бы жанре я ни писала, я хочу, чтобы мне не было стыдно перед Богом за свои слова.

Тереза: "Писать так, чтобы не испытывать стыд перед Богом", что это значит для тебя?

Анна: Значит, писать так, чтобы эти стихи пробуждали добрые чувства.

Тереза: Тебя иногда посещает страх, что эффект будет обратным?

Анна: Я бы не назвала это страхом... Это *памятование* о том, чего нужно избегать. Я не боюсь сделать что-то не так: я *стараюсь не сделать*. Что касается возможности быть превратно понятой... это факт, что *каждый читатель интерпретирует произведение по-своему*. Если говоришь человеку одно, а он слышит другое, остаётся надеяться только на то, что *Господь исправит*.

Тереза: Когда беседуют двое верующих людей, их взаимопонимание основывается на общем желании во всём руководствоваться христианскими ценностями. Иногда же – нужно донести мысль до кого-то, говорящего на другом языке. Что может сделать человек, чтобы найти общий язык с собеседником, которому чужды христианские ценности, и вместе с тем – самому этих ценностей не утратить?

Анна: Можно попробовать общаться в облегчённой форме: не взваливать на человека неподъёмной глыбой непонятное ему мировоззрение, а приводить какие-то косвенные примеры, рассказывать к слову знаковые истории... Если и это не помогает, а ты рискуешь уйти в пустословие или вызвать *агрессивное* сопротивление, то можно говорить о христианских ценностях не словами, а собственным примером. Неправда, что в споре рождается истина: спор только вызывает гнев и лишает душевного мира. Если чувствуешь, что бессилён донести до человека духовные ценности так, чтобы ни он, ни ты не раздражались, уклонись от этой беседы, говори с этим человеком о чём-то нейтральном, но веди себя с ним соответственно духовным ценностям, и так человек о них узнает.

Тереза: Кажется, что творческие люди, живущие прежде всего христианскими ценностями, более уязвимы, чем живущие только своими интересами. Но ведь они, наоборот, защищённее, правда?

Анна: Конечно! Не передать, насколько!

Тереза: Как поддерживать в себе понимание этой защищённости?

Анна: Если мы пытаемся жить по молитве Оптинских Старцев – это чувство не покинет. Когда же всё-таки ослабело – достаточно вчитаться заново в слова этой молитвы и заново довериться Богу. Эта молитва открывает глаза.

Тереза: Для творческих людей – есть особые "секреты" защиты от мирского?

Анна: Не думаю. Заветы Божьи одни для всех, и попечение Божье – одно для всех...

Тереза: Но уроки Божьи – для всех разные...

Анна: Правильно, уроки – очень разные, пути спасения – очень разные. Но не "обобщённо разные": не так, что этот – для творческих, этот – для нетворческих. Для

каждого человека – свой. Не стоит забивать себе голову тем, что "я такой творческий человек, у меня особые отношения с миром, у меня особые отношения с Богом"...

Тереза: А ловушки – бывают "обобщёнными"? Какие-то ловушки с особой хваткостью расставлены перед творческими людьми?

Анна: Зависть, вероятно... И осуждение. Коварнейшая ловушка. Нужно быть очень к себе внимательным, чтобы не пойти в этом направлении. Для этого – никогда не верить слухам, не обращать на них внимания, и тем более – не разносить их. Вспоминая евангельские слова "всяк человек – ложь", сразу же прибавлять: "И я в том числе". Если же увидишь оступившегося – не втапывать его ещё глубже в грязь, а помочь подняться. У Елены Благиной есть стихотворение о хлебе, которое заканчивается такими словами:

И если замечу кусок в небреженье,
В грязи придорожной, в подножной пыли,
То самое первое сердца движенье –
Поднять и спасти это чудо земли.

Такая реакция должна заменять нам осуждение.

Тереза: Да, в идеале, это должно быть даже не усилие, это должно быть *первое сердца движенье* – увидев упавшего, "поднять и спасти". А что насчёт склонности творческих людей *домысливать происходящее*? – она может стать ловушкой?

Анна: Может, конечно, если строго не следить за ходом своих мыслей. Но я не думаю, что творческие люди – домысливают происходящее больше других.

Тереза: То есть, домысливать – это естественно для человека?

Анна: Важнее, полезно это или не полезно. Святой Василий Великий – однажды шёл по дороге и увидел в отдалении, как два монаха дерутся. Он направился к дерущимся, чтобы разнять их, но когда подошёл поближе – оказалось, что это два снопа раскачивались от ветра и сталкивались. Есть мнение, что это наваждение было показано Святому с целью искушения, чтобы он осудил "дерущихся монахов". Но чистому всё чисто: Святой Василий намеревался помирить монахов, а не осудить их. Будут ли так же чисты наши намерения, мы знать не можем.

Тереза: Что бы ты посоветовала творческому человеку в его пути?

Анна: Пожалуй, не слишком стремиться, не слишком рваться. Поэты – "рвущиеся" натуры. Если человек – чересчур целеустремлённый, он на пути к утрате душевного покоя и надежды на Бога. Если слишком переживаешь за свои замыслы, за свои цели, если готов достигать задуманного любой ценой, а если что-то не удалось – это драма, значит, полагаешься только на себя и не веришь, что Бог всё управит. Для человека нормально иметь цели, желания, планы, но всё это на благо ему и другим только тогда, когда *отдано в руки Божию*. Намечая новую цель, не надо искать своей воли, лучше *сразу* настроиться на то, чтобы принять волю Бога. Чтобы крах планов не был трагедией. Чтобы оставалось в душе искреннее "слава Богу за всё".

Тереза: В тебе есть это "писательское рвение", которое нужно притормаживать?

Анна: Я бы сказала, есть любовь к литературе... но "рвение" ли это? Да нет... Я не стремлюсь "быть писателем", мне больше хочется читать, чем сочинять. Не хочу взбираться к литературным вершинам. Я хочу быть "кисточкой в Божьих руках". И я очень благодарна Богу за то, что мои книги не издавались до прихода к вере, это от многих искушений уберегло меня.

Тереза: Что привело тебя к вере?

Анна: Для меня вера началась со слов о бессмертной душе. Когда в духовной радиопередаче я услышала, что жизнь не заканчивается на земле и нужно готовить свою душу к жизни вечной, я почувствовала: вот оно! Что есть Бог, знала лет с пяти, но больше ничего о Нём не знала. Мама мне сказала только: "Про Бога ничего плохого не говори". Когда же я узнала про Вечную Жизнь, я по-настоящему осознала существование Бога. Так я обрела смысл жизни, и Православная Церковь повела меня путём спасения.

Тереза: Как для тебя "расшифровывается" понятие *истинно верующий человек*?

Анна: На "расшифровку" понятия "*истинно верующий*" – порой уходит вся

жизнь даже у монашествующих. Я отвечу просто о верующем. Это тот, кто живёт по Божьим заповедям, и кто настолько доверяет Богу что ему и жить хочется, и умереть не страшно.

Тереза: Однако некоторым святым было страшно умирать... Почему?

Анна: Они были очень строги к себе и до конца жизни находили в себе грехи, поэтому сами себя постоянно спрашивали, истинно ли они верующие. До этой меры – нам ещё расти и расти. Наша мера – всей душой верить, что Бог нас возьмёт к Себе не потому, что мы стали этого достойны, а потому, что мы, в несовершенстве нашей веры, так безгранично надеемся на Него, что Он не сможет оставить нас без Своего Милосердия.

Тереза: И не нужно спрашивать себя, "верующий ли я"?

Анна: Лучше молиться, "Господи, *укрепи мою веру*", просить прощения за *маловерие*... Но в том, что вера есть у нас, лучше не сомневаться.

Тереза: Ты веришь, что можешь стать святой?

Анна: Я верю, что Бог даст мне претерпеть нечто, что позволит мне очиститься от грехов настолько, чтобы *приткнуться где-то с краешку* мира святых... "Хоть с краешку, да в раешку"...

Тереза: Как для тебя "расшифровывается" понятие *истинно творческий человек*?

Анна: Я процитирую стихи Иеромонаха Романа (Матюшина).

Поэзия – подобие моленья,
Удел её – к Святому возводить.
А без Творца, – прими остережение, –
Ты станешь вытворять, а не творить.

В служенье слову многое двулико,
Есть крайности – пророки и шуты.
Не выставляйся пред толпой великим:
Написанное выявит, кто ты.

Тереза: Без каких составляющих – стихи не могут нести светлый посыл?

Анна: Без второй заповеди: *возлюби ближнего как самого себя*.

Тереза: Какие христианские качества особенно важны для творческого человека?

Анна: Как бы тебе сказать... В первую очередь, творческий человек вынужден бороться с самолюбованием, с тщеславием. Потому все добродетели, которые помогают ему в этой борьбе, для него особо важны. Они, наверное, для каждого свои. Но всегда – те, что направлены против гордыни.

Тереза: Какие твои творческие навыки и особенности пригодились тебе в духовной жизни?

Анна: Литературная речь и образное мышление – помогают вести уроки в детской воскресной школе. Помогает и чутьё, какие стихотворения классиков и современных поэтов процитировать при обсуждении той или иной христианской темы, для лучшего запоминания той или иной библейской истории.

Тереза: Дети любят, когда с ними говорят стихами.

Анна: Дай Бог только, чтобы встретился тот, кто будет говорить с ними через чистую поэзию, и они всё услышат, всё уловят!

Тереза: Сочинители склонны впадать в крайность: либо – "раз всё дано мне Богом, то я вообще не должен работать над произведением: что в голову пришло – то и от Бога, какие грамматические ошибки сделаю – такие мне Бог и продиктовал", либо – "Бог не при чём, всё – моя заслуга, я создал свой талант своим тяжким трудом и не позволю называть божьим даром то, чего я добился в седьмом поту". Что бы ты сказала и тем "крайним", и другим?

Анна: Ничего не сказала бы. Потому что у людей есть свободная воля: творить с Богом или без Бога. Это человек выбирает – потешить ему творчеством своё "я" или во всём сотрудничать с Богом и угодить Ему.

Тереза: Какие чувства должно вызвать у тебя прочитанное стихотворение, чтобы ты отнесла его к духовной поэзии?

Анна: Желание запомнить и рассказать другим людям.

Тереза: Любую ли тему может сделать духовной – духовный подход Автора?

Анна: Любую ли? *(Надолго задумывается.)* Это самый сложный вопрос и самый неоднозначный. Наверное, всё можно повернуть в правильное русло, если есть такая духовная сила.

Тереза: Тут ещё надо *взять по силе...* Можно думать, что ты *способен* повернуть в это правильное русло, а ка-а-ак повернуть не пойми куда...

Анна: Очень верно сказала! – мы не всегда умеем трезво оценить свои силы. Не всегда понимаем, как важно – попросить Бога дать нам недостающие силы, а уж потом браться за противоречивые сюжеты. Хотя, как по мне – так лучше вообще не браться. Мы слишком недооцениваем ответственность, которую несём за свои слова.

Тереза: Какие ошибки или душевные изъяны Автора могут свести изначально христианскую тему к мирской?

Анна: Самомнение. Когда человек подходит к христианской теме с позиции "я всё знаю, я всё постиг, я такой правильный, буду писать духовные книги". Когда ударяется в назидания, отходя от человеколюбия. От этих ошибок – идут все другие ошибки. Подойдя к духовной теме с этой стороны, можно наломать таких дров...

Тереза: Любое ли занятие становится духовным оттого, что предваряется и сопровождается молитвой?

Анна: Ну, не богопротивное, конечно. Об этом есть притча. Цыган задумал украсть коня и решил попросить помощи у Святого, которого почитали в тех местах. Пошёл в церковь, поставил перед образом этого Святого свечу. Когда цыган отправился на кражу, его заметили и бросились в погоню. Спасаясь от преследователей, он забрался в выгребную яму и спрятался... Пересидел он там, среди нечистот, погоню, вылезает весь грязный, вонючий... "Фу, – говорит, – какой смрад!" И в этот момент является ему Святой, которого он просил о помощи в краже, и говорит: "Вот так же мне твоя свеча смердела..."

Тереза: Считаешь ли ты обращение к Богу, записанное в стихах, полноценной молитвой?

Анна: Когда я пишу стихи на духовные темы, я не считаю, что *тем самым* – молюсь. Я молюсь *перед написанием*: "Господи, благослови". Впоследствии, когда я вижу или переживаю нечто духовное, мне часто приходят на ум строчки из моих молитвенных стихов, и я произношу их, обращая к Богу... Полноценная ли это молитва? Думаю, что да. Мы можем молиться не одними каноническими молитвами, мы можем обращаться к Богу и своими словами. Бог услышит нас в любом случае. *Разница в том, что когда мы молимся своими словами, мы молимся в одиночестве, а когда произносим церковную молитву – с нами молится вся Церковь.* Что касается стихов, то молиться *только* стихами – я не стала бы. Ведь что такое молитва? – это живое общение с Богом. Неужели я в повседневной жизни – буду с тем, кого люблю, весь день общаться стихами? Я могу почитать ему стихи в каком-то особенном настроении, и ему это будет приятно. Но представь, если я стану говорить с любимым только стихами?

Тереза: ☺ Я пробовала. Выдержал.

Анна: ☺ Конечно, искренность – важнее формы... И Богу прежде всего нужна наша искренность.

Тереза: Какие свои стихи чаще всего вспоминаешь в молитвенном настрое?

Анна: Обращённые к покровительнице моего любимого края, Святой Евфросинии Полоцкой. И вот эти:

Я так люблю Тебя, Господь!
Любить стараюсь всяку плоть,
Что Ты премудро сотворил.
Мне каждый птенчик люб и мил,
Кузнечик, бабочка и зверь...
Людей трудней любить. Поверь,

Я – так стараюсь! Но грешу.
Молитвой Оптинской – прошу:
Учи *Твоею* волей жить.
И всех прощать. И всех любить.

Тереза: В Библии мы читали о Марии и Марфе: когда в их доме гостил Христос, Мария – заботилась о том, чтобы верно понять Его слова, а Марфа – о том, чтобы Он не остался голодным в тот день... Ты – не только христианский поэт: ты – преподаватель воскресной школы и Сестра Милосердия, ты много лет помогала в быту тяжелобольным людям. Этот жизненный расклад кажется мне самым правильным: сочинить стихи о любви к Богу и людям – пойти, сделать что-то для Бога и людей, сочинить – сделать, сочинить – сделать... А как ты сама думаешь, чтобы придти к истинно христианскому творчеству, нужно быть и Марией, и Марфой, или поэтической душе – достаточно быть только Марией?

Анна: Быть только Марией, по-моему, достаточно только в двух случаях: либо когда человек достиг святости при жизни, либо когда он по физическому своему состоянию не может трудиться для Бога и ближнего иначе как молитвенно. В остальных случаях нужно быть и Марией, и Марфой, и творческая деятельность не исключение. Ты спросила, нужны ли "труды Марфы" для человеколюбивого творчества, но я ещё скажу и о несколько ином. Если заниматься только стихами, если это – твой единственный труд, ум расслабится, появятся "недоработки". Физический труд идёт на благо умственному труду, особенно если сочетается с молитвой.

Тереза: Расскажи, какое влияние оказывает на тебя преподавание в воскресной школе.

Анна: Стимулирует продолжать своё духовное образование: учу – и хочется учиться. Побуждает перечитывать Святое Писание: после каждого занятия – обнаруживаю что-то, чего раньше не замечала в библейском тексте...

Тереза: Что изменила в тебе деятельность Сестры Милосердия?

Анна: Работа – изменила малое. Господь ещё в детстве наделил меня особой любовью к детям, старикам и немощным, и труды Сестры Милосердия мало прибавили к тому, что дала мне сама эта любовь. А вот немощные люди – научили многому. Увидев, как достойно Болящие умеют переносить страдания, я стала меньше беспокоить ближних своими недугами. Увидев, как в самых тяжких испытаниях люди на время теряли присутствие духа, я научилась просить у Бога терпения.

Тереза: Год назад мне посчастливилось участвовать в одном пасхальном творческом вечере с тобой. И что мне запомнилось – это то, что перед началом выступления ты не прихорашивалась, как большинство выходящих к публике, а *украшала иконы*, которые должна была вынести на сцену. Ты выглядела очень красиво в своём строгом элегантном платье, в лёгком кружевном платке, но мысли твои были не о зеркалах, а об иконах... Разве не символично? И разве не так должно быть? Но чаще – человек, выходящий к публике, слишком много думает о том, как будет выглядеть в её глазах, и слишком мало – о том, что приносит к ней...

Анна: Любопытная параллель, но не преувеличивай. Я украшала иконы перед выходом на сцену, потому что себя – украсила перед выходом из дома, а в обратном порядке сделать это было невозможно. Не думать о своём образе – я не могу себе позволить: выходить к публике с духовными стихами в виде чуда-юда – только смущать людей. Человек посмотрит на тебя и подумает: "Не-е-ет, если, соблюдая то, о чём она говорит, я буду так выглядеть, я не хочу!!!!" ☺ Здесь тоже нужна золотая середина. Через нас, поэтов, должно святиться имя Божие, поэтому и выглядеть нам следует так, чтобы не компрометировать своего предназначения.

Тереза: Аннушка, твои стихи эмоциональны, но эмоциональность в них не пережидает через трезвомыслие. Ты пишешь:

*Хорошо, когда сердце с разумом
Часто спорят и мыслят по-разному.
Если сердце расслабло, тает, –
Строгий разум в борьбу вступает.*

Как ты сама чувствуешь, эмоции и рассудительность в твоём творчестве – гармонично взаимодействуют, или между ними, как сказано в этом четверостишье, идут спор и борьба?

Анна: Чем дальше, тем меньше спора и больше взаимодействия.

Тереза: Я знаю, что ты не любишь сложно написанных стихов. Как думаешь, поэтическая сложность – бывает *от Бога*?

Анна: Я считаю, да. Ведь на стихи влияет твой склад ума, твоё душевное устройство, а это – *данное Богом*. Ты, может, и хотела бы писать по-другому, но это не просто стихи, это – ты. Если сложность – это *твоё*, если это – тот стиль, тот слог, который тебе дан, не думаю, что с этим нужно бороться.

Тереза: Нужно другое: работать над тем, чтобы даже сложное – было максимально понятным и благозвучным, чтобы даже на сложном – никто не "спотыкался"...

Анна: Думаю, да.

Тереза: Ты можешь определить: ты пишешь просто – потому что иначе не умеешь, или потому что так решила?

Анна: Попробую объяснить. Я *не умею* писать сложно, да, но не в том смысле, что вообще не могу как-то "завернуть" фразы, "накрутить" сравнения. В том смысле, что не могу сделать это так, чтобы понравилось мне самой и тем духовным людям, у которых я прошу совета: публиковать – не публиковать. Так что, если сложное иногда и пишется, то – "в стол".

Тереза: Чем именно не нравятся тебе твои "сложные" стихи?

Анна: Я чувствую, как то, что нужно донести, в них *искажается*. Если кто-то может донести желаемое в усложнённой форме, *не искажая*, слава Богу. Я – не могу. Возможно, если бы я работала в этом направлении, смогла бы что-то изменить, но мне *нравится* доступный стиль, нравится его придерживаться, дорабатывать его. Поэтому, отвечая на вопрос, "иначе не могу или так решила", я скажу, что и то, и другое. Это и есть мои подлинные литературные предпочтения. (*Пауза.*) Но содержание, всё-таки, важнее всего. Если стихотворение сложночитаемое, но доброе и смысловое, пускай мне трудно его читать, пускай трудно слушать, но мне всё равно это приятно, мне от чтения хорошо.

Тереза: За какую тему ты никогда не взялась бы?

Анна: За ту, которая требует научной точности. Это не моё.

Тереза: Ты очень трепетно относишься ко своему городу, к белорусским Храмам... Что может дать творческий человек своим любимым уголкам и Святыням?

Анна: Может жить в городе так, чтобы своим поведением, своим отношением к городу – призывать людей к культуре. И здесь – возвращаемся к Марии и Марфе. Быть поэтом, любящим свой город, – это не только написать ему оду, но и отнести в урну кем-то брошенный на дороге мусор. Быть поэтом, любящим свой Храм, – это не только воспеть его, но и пожертвовать на восстановление. Конечно, тут – у кого какие способности и возможности, но главное – *не уклоняться от участия*.

Тереза: Что мне особо симпатично в твоей творческой жизни, и что вдохновляет меня – это светлая *умиротворённость*, с которой ты занимаешься творческими делами. Расскажи об её источнике.

Анна: Думаю, это сознание связи с Богом. Понимание, что я – "кисточка в Божьих руках" и благодарность за это.

Тереза: Если всё-таки приходит смущение и пропадает мир в душе, ты бросаешь дело или продолжаешь?

Анна: Ищу *причину* смущения, анализирую её – а дальше действую по обстоятельствам.

Тереза: Что ты первым скажешь Богу, когда предстанешь пред Ним?

Анна: Первым: "Господи, помилуй!" А после... "Господи, мне *понравилось* жить по Твоей Воле. Мне *очень понравилось*".